

Представьте: вот шах Ага Мохаммед-хан приказывает убить или ослепить жителей города Кермана — всех без исключения. Воины рьяно берутся за дело. Выстраивают горожан, взрослым рубят головы, детям выбивают глаза... Затем вереница ослепленных детей покидает город. Одни скитаются по округе и, заблудившись в пустыне, умирают от жажды. Другие добираются до поселений... и поют песни об истреблении жителей Кермана.

Рышард Капуцинский¹

В безбрежном море плыла я, не видя земли. Жестока была Танит, молитвы мои услышаны. О ты, утонувший в любви, не забудь обо мне.

Надпись на карфагенской погребальной урне²

Слово есть пламя за темным стеклом.

Шейла Уотсон³

¹ Цитата из исследования польского писателя и журналиста Рышарда Капуцинского (1932—2007) «Шахиншах» (1982) о крушении режима иранского шахиншаха Реза Пехлеви.

² Надпись на карфагенской урне приписывают мелкой аристократке Заштар (210—185 гг. до н.э.); автор цитирует ее по изданию: Emil F. Swardward. Carthaginian Shard Epitaphs. Cryptic: The Journal of Ancient Inscriptions, том VII, № 9, 1963 г. Танит — карфагенская богиня луны, плодородия и любви, покровительница Карфагена, одно из воплощений богини Астарты.

³ Цитата из романа канадской писательницы, критика и педагога Шейлы Уотсон (1909—1998) «Дип-Холлоу-Крик» (Deer Hollow Creek, опублик. 1992).

I

МОСТ

Через десять дней после окончания войны моя сестра Лора на автомобиле съехала с моста. Мост ремонтировали, и Лора свернула прямо на оградительный щит. Машина пролетела футов сто, по пути ломая едва оперенные зеленую верхушки деревьев, вспыхнула и скатилась в мелкий ручей на дне оврага. Ее засыпало обломками снесенного парапета. От Лоры осталась лишь грудa обугленного хлама.

О несчастном случае мне сообщил полицейский: это был мой автомобиль, что полиция довольно быстро установила. Полицейский говорил почтительно: несомненно, знал, кто есть Ричард. Вероятно, колеса попали в трамвайные рельсы или тормоза подвели, объяснил полицейский и прибавил, что считает своим долгом сказать: два свидетеля катастрофы — юрист на пенсии и банковский кассир, оба заслуживающие доверия люди, — клянутся, что видели все от начала до конца. По их словам, Лора нарочно резко вывернула руль и нырнула с моста невозмутимо, точно шагнула с тротуара. Свидетели разглядели ее руки на руле: Лора была в белых перчатках.

Не в тормозах дело, думала я. У нее были причины. Как водится, не те, что у других. В этом смысле она была абсолютно беспощадна.

— Полагаю, вам нужно, чтобы ее опознали, — сказала я. — Постараюсь приехать побыстрее. — Мой спокойный голос звучал как бы издали.

На самом деле я с трудом произносила слова: губы онемели, лицо свело от боли. Как после дантиста. Я была в ярости — из-за того, что Лора натворила, и еще из-за полицейского, намекавшего, что Лора и впрямь это натворила. Горячий ветер трепал мне голову, волосы взлетали и вихрились, расплываясь в нем, будто чернила в воде.

— Боюсь, будет расследование, миссис Гриффен, — сказал полицейский.

— Понимаю, — отозвалась я. — Но это несчастный случай. Моя сестра вообще неважно водила машину.

Я представляла себе нежный овал Лориного лица, аккуратно собранные на затылке волосы, простое платье с круглым воротничком, тусклое какое-то — темно-синее, стальное или болотное, как больничный коридор. Тюремные цвета: вряд ли Лора выбирала сама — ее в них словно заперли. Серьезная полуулыбка, удивленно приподнятые брови — словно восхищается пейзажем.

Белые перчатки — жест Понтия Пилата. Смыла меня с пальцев. Смыла всех нас.

О чем она думала, когда автомобиль оторвался от моста и серебристой стрекозой сверкнул в лучах полуденного солнца, на бездыханный миг застыв перед падением? Об Алексе, о Ричарде, о вероломстве или о нашем отце и его крахе? А может, о Боге и своей роковой трехсторонней сделке? Или о стопке дешевых школьных тетрадей, которые накануне утром спрятала в ящике с моими чулками, зная, что только я смогу их обнаружить?

Когда полицейский ушел, я пошла наверх переодеться. В морг нужны перчатки и шляпка с вуалью. Не показывать глаз. Могут явиться репортеры. Нужно вызвать такси. И предупредить Ричарда: он, конечно, захочет подготовить заявление о том, как мы скорбим. Я пошла в гардеробную: понадобится черное и носовой платок.

Я выдвинула ящик, увидела тетради. Развязала стянутую крест-накрест бечевку. Заметила, что стучу зубами и трясусь от холода. Видимо, шок, решила я.

А потом я вспомнила Рини из нашего детства. Это она лечила наши порезы и царапины, перевязывала ранки. Мама отдыхала или где-то творила хорошие дела, но Рини всегда была рядом. Поднимала нас и усаживала прямо на белый эмалированный кухонный стол, рядом с тестом для пирога, которое месила, или цыпленком, которого разделывала, или рыбой, которую потрошила, а чтоб мы не болтали, давала по кусточку коричневого сахара.

Скажи, где болит, спрашивала она. *Ну-ка перестань выть. Успокойся и покажи, где болит.*

Но некоторые не могут показать, где болит. Не могут успокоиться. Даже перестать выть не могут.

«Торонто стар», 26 мая 1945 года

ВОЗНИКАЮТ ВОПРОСЫ
В СВЯЗИ С АВТОКАТАСТРОФЕЙ
Специально для «Стар»

В ходе расследования установлено, что автокатастрофа, произошедшая на прошлой неделе на авеню Сен-Клер, была трагической случайностью. Мисс Лора Чейз, 25 лет, ехала по эстакаде на запад, и ее автомобиль неожиданно занесло; он врезался в оградительные ремонтные щиты,

рухнул в овраг и загорелся. Мисс Чейз погибла сразу же. Ее сестра, миссис Ричард Э. Гриффен, жена известного предпринимателя, сообщила, что мисс Чейз страдала от сильных головных болей, которые сказывались на зрении. Миссис Гриффен категорически опровергла возможность пребывания мисс Чейз в состоянии алкогольного опьянения, заявив, что сестра вообще не употребляла алкоголя.

Полиция предполагает, что колесо угодило в трамвайную колею и это послужило дополнительной причиной аварии. В связи с этим возник вопрос: достаточно ли городские власти заботятся о безопасности горожан? Однако после заключения эксперта, главного инженера муниципалитета Гордона Перкинса, этот вопрос был снят.

После несчастного случая вновь звучат претензии к состоянию трамвайных путей на данном участке дороги. Мистер Херб Т. Джолифф, представляющий местных налогоплательщиков, в интервью «Стар» заявил, что это не первый несчастный случай, вызванный пренебрежением к трамвайным путям. Городским властям следует над этим задуматься.

Лора Чейз. СЛЕПОЙ УБИЙЦА

Нью-Йорк. Рейнголд, Джейнз & Моро, 1947

Пролог: Многолетние растения для сада камней

У нее только одна его фотография. В конверте из оберточной бумаги, сверху написано «вырезки». Она спрятала конверт в книгу «Многолетние растения для сада камней», куда никто никогда не заглядывает.

Она бережет фотографию: кроме этого снимка, у нее мало что осталось. Черно-белое фото, снятое громоздким довоенным аппаратом со вспышкой: объектив на гармошке, добротный кожаный футляр с ремешками и сложными

застежками напоминает намордник. Фотография запечатлела их на пикнике — ее и этого мужчину. На обороте так и написано карандашом: «пикник», ни ее имени, ни его — просто «пикник». Имена ей и так известны — зачем писать?

Они сидят под деревом — под яблоней, что ли; она тогда не обратила внимания. На ней белая блузка, рукава засучены по локоть, широкая юбка подоткнута под колени. Должно быть, дул ветерок — блузка на ней раздувается, а может, и не раздувается; может, липнет; может, было жарко. Да, жарко. Держа руку над фотографией, она и теперь чувствует жар — так раскалившийся днем камень и ночью хранит тепло.

На мужчине светлая шляпа, надвинута на лоб, лицо в тени. Он загорелый — темнее, чем она. Она улыбается впол-оборота к нему — так она никому с тех пор не улыбалась. На фото она очень молода — хотя в то время не считала себя слишком молодой. Мужчина тоже улыбается — белизна зубов точно вспышка чиркнувшей спички, — но поднял руку, словно в шутку защищается или желает укрыться от объектива того, кто стоит рядом, снимая этот кадр, а может, хочет защититься от тех, кто из будущего станет глазеть на фото, изучая черты этого лица через квадратное освещенное оконце из глянцевой бумаги. Будто защищается от нее. Или защищает ее. В защитно вытянутой руке догорает сигарета.

Оставшись одна, она достает конверт и осторожно вытаскивает фотографию из кипы газетных вырезок. Кладет на стол и пристально всматривается, словно глядит в колодец или пруд, ища за своим отражением то, что уронила или потеряла — чего уже не достать; недоступное, но различимое, оно драгоценным камнем мерцает на песке. Она разглядывает каждую деталь. Его пальцы, обесцвеченные то ли вспышкой, то ли солнечным светом; складки одежды; листву и крохотные шарики на ветках — так яблоки или нет? На переднем

плане — жухлая трава. Тогда было сухо, и трава пожелтела.

У края фотографии — сначала и не заметишь — еще рука, срезанная до предела, отхваченная по запястье, — лежит на лужайке будто сама по себе. Выброшенная.

На ярком небе размытые облачка — словно пятна от мороженого. Потемневшие от табака пальцы. Вдали сверкает вода. Теперь утонуло все.

Утонуло, но сияет.

II

СЛЕПОЙ УБИЙЦА: ЯЙЦО ВКРУТУЮ

Так что ты хочешь, спрашивает он. Смокинги и страсти или кораблекрушения у пустынных берегов? Выбирай: джунгли, тропические острова, горы. Или другое измерение — тут я дока.

Другое измерение? Да ну?

Не смейся, место не хуже иных. Там все что хочешь случается. Космические корабли, обтягивающие скафандры, лучевое оружие, марсиане с телами гигантских осьминогов и все такое прочее.

Сам выбирай, говорит она. Ты же профи. Может, пустыня? Давно туда хочу. С оазисом, конечно. Финиковые пальмы не помешают. Она отламывает от сэндвича корку. Корки она не любит.

В пустыне не разгуляешься. Ничего интересного, придется добавить гробниц. И еще обнаженных женщин, что мертвы уже три тысячи лет, женщин с гибкими, пышными телами, рубиновыми устами, лазурным кружевом растрепанных волос и глазами, точно полные змей бездонные колодцы. Но, по-моему, не удастся все это всучить тебе. Ужастики — не твой стиль.

Как знать. Может, мне и понравится.

Сомневаюсь. Это для толпы. Зато такое любят изображать на обложках — эти дамы обвиняют парня, и отогнать их можно только ружейным прикладом.

А можно другое измерение, а еще гробницы и покойницы?

Трудновато, но я постараюсь. Можно еще закинуть жертвенных дев, в прозрачных одеждах, с металлическими нагрудниками и серебряными цепочками на лодыжках. И стаю голодных волков в придачу.

Ты, я вижу, ни перед чем не остановишься.

А ты предпочитаешь смокинги? Океанские лайнеры, белоснежное белье, целование ручек и лицемерный треп?

Нет. Ладно. Поступай как знаешь.

Сигарету?

Она качает головой: нет, не хочу. Он чиркает спичкой по ногтю и закуривает.

Обожжешься, говорит она.

До сих пор не обжигался.

Она смотрит на засученный рукав его рубашки — белой или бледно-голубой, переводит взгляд на запястье, на загорелую руку. Он светится — будто отражает солнце. Почему никто не смотрит? Он слишком бросается в глаза, ему нельзя быть здесь, под открытым небом. Люди вокруг сидят на траве или полулежат — одеты в светлое, у них тоже пикник. Все очень пристойно. Но ей кажется, будто они одни, будто яблоня — шатер, а не дерево. Будто вокруг них провели мелом круг. И они внутри невидимы.

Измерение, значит. С гробницами, девами и волками. Только в рассрочку. Согласна?

В рассрочку?

Не все сразу. Как мебель.

Она смеется.

Нет, серьезно. Не скупердяйничай. Это ж не на один день. Придется встречаться снова.

Она колеблется. Потом соглашается. Ладно. Если удастся. Если у меня получится.

Вот и хорошо, говорит он. А теперь я буду думать. Он старается говорить непринужденно. Настойчивость может ее отпугнуть.

На планете — как ее там? Нет, не на Сатурне — слишком близко. На планете Цикрон, что в другом измерении, простирается каменистая равнина. К северу — лиловый океан. К западу — горная цепь; говорят, после захода солнца там рыщут мертвые алчные обитательницы тамошних полуразрушенных гробниц. Вот видишь, с гробницами я поторопился.

Ценю, говорит она.

Всегда верен слову. К югу — раскаленные пески, а к востоку — глубокие долины, что когда-то, возможно, были руслами рек.

Наверное, каналы, как на Марсе?

Да, каналы и что угодно. Множество следов древних, когда-то высокоразвитых цивилизаций, но теперь здесь бродят лишь примитивные кочевники. Посреди равнины каменная насыпь. Земля вокруг сухая, лишь колючий кустарник кое-где. Не совсем пустыня, но похоже. А сэндвич с сыром еще есть?

Она роется в бумажном пакете. Сэндвича нет, говорит она, есть яйцо вкрутую. Она никогда не была так счастлива. Все опять ново, все только случится.

То, что доктор прописал, говорит он. С собой стихов диван, в бутылке лимонад и яйцо вкрутую. Он катает яйцо в ладонях, разбивает, чистит. Она не спускает глаз с его рта, челюсти, зубов.

Денек среди развалин. Городского парка, говорит она. Вот соль.

Спасибо. Все-то ты помнишь.